

УДК 001:008

СЕТЕВАЯ ПАРАДИГМА (ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ)**NETWORK PARADIGM (PHILOSOPHICAL REFLECTION)****М.А. Игнатов****M.A. Ignatov**

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia

E-mail: sck@bgiik.ru

Аннотация

В данной статье автор предпринимает попытку отрефлексировать и философски проблематизировать некоторые узловые аспекты сетевого общества как феномена современности, претендующего на новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы, осмыслить основания для видения современного общества как «сетевого».

Abstract

In this article, the author attempts to otreflektirovat and philosophical problematizirovat some key aspects of the network society as a phenomenon of our times, a claim to a new ideological and epistemological perspectives comprehend the reasons for the vision of modern society as a «network».

Ключевые слова: сеть, сетевая парадигма, общество знания, коммуникация, информационные потоки, глобальная сеть Internet, социальные структуры, сетевые эффекты знания.

Keywords: network, network paradigm, society of knowledge, communication, information flows, the global network Internet, social structure, network effects knowledge.

Нельзя сказать, что концепты «сетевое общество», «сетевая парадигма» у всех на слуху. И, тем не менее, мы находим достаточно оснований, чтобы отметить: понятие «сети» завоевывает свою нишу в сознании инновационно мыслящих ученых, осознающих факт вхождения данного культурно-исторического феномена в рационально рефлексивную культуру современности.

Если, например, мы бросим ретроспективный взгляд на эволюцию культуры, то без труда увидим, что интерес к «сетевой парадигме» сопрягается с концептуальными поисками западных и отечественных исследователей, сфера научного интереса которых сопрягается с аналитикой «общества знания». Достаточно назвать, скажем, труды П. Друкера и Ф. Махлупа, лежащих в русле «экономики знаний», с теориями постиндустриального общества Д. Бэлла, который, как мы знаем, основательно занимался изучением вопросов, касающихся «знаниевого ресурса», места, роли и значения информационных потоков в социальных структурах современности, правомерно полагая таковые важным базисным основанием «грядущего постиндустриального общества» [18, с. 5].

Так или иначе, все исследовательские штудии и изыскания по части новых социальных моделей всегда вызвали интерес и были в орбите пристального внимания в философских и научных кругах, где предпринимались попытки «просчитать», спрогнозировать горизонты и, что важно, перспективы будущего, его диалектические модели. Тот факт, что «сетевое общество», это определенный переходный этап европейской культуры к развитой системе духовного производства индустриальной цивилизации, для нас вполне очевиден. Это, с одной стороны. С другой стороны, новое – это всегда «путь в неизвест-

ность», симптоматика рисков, своего рода рискогенная территория. С этих позиций многие исследователи сходятся в том, что «панорама будущего видится одновременно многообещающим и вызывающим известное беспокойство. Многообещающим – потому, что потенциал, содержащийся в разумном и умелом использовании новейших технологий открывает поистине широкие перспективы для устойчивого развития человека и построения более демократических обществ. Вызывающим беспокойство потому, что на этом пути действительно существуют вполне реальные препятствия и ловушки» [7, с. 7].

Проблематика «информационального общества», «общества знания», «сетевого общества» поднималась во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», где был подчеркнут крайне важный аспект, напрямую затрагивающий вхождение мира в «сетевую парадигму». Он связан с тем, что характер новых вызовов превращает их в мощные стимулы для дальнейшей работы в области формирования новой этики, наращивания темпов морального созревания человечества. Речь идет об этических императивах, в соответствии с которыми будет происходить становление обществ, основанных на знании и информации, «сетевого общества». Подразумевается, что это должна быть новая этика – этика свободы и ответственности, основанная на совместном использовании знаний» [7, с. 7]. Иными словами, в сегодняшнем мире налицо высокий интерес к сетевой проблематике, к аналитике современного общества как общества «сетевого», в связи с чем объяснимо желание современников разобраться и в известном смысле «пропустить через себя» процессы, сопровождающие наше погружение в какую-то новую социокультурную реальность. И это нормально и объяснимо.

При всем этом ученые фиксируют тенденцию, согласно которой, по наблюдению Е.А. Шенцевой, «в центре сетевой проблематики преимущественно оказываются социальные структуры общества, при некотором дефиците исследований, посвященных осмыслению сетевых концепций и таких понятий, как сеть, сетевая теория, сетевой подход, сетевая методология и т.д., и их функционирования в системе современного научного знания» [19, с. 42]. К тому же, по уточнению этого же автора, с которым мы склонны согласиться, «понятия сетевой подход, сетевая парадигма, сетевая методология, зачастую используются в качестве синонимических. С достаточной степенью обоснованности можно говорить лишь о «резервуаре» высказываний, различающихся как по уровню обобщения, так и по масштабам исследовательских интенций» [19, с. 42].

Примечательно, что относительно сетевого подхода, характерной сетевой проблематики вообще, основные концептуализации идут по нескольким линиям и схемам. Так, феномен сети связывают с достижениях в области естественно-научных дисциплин; и с информационном характером изменений, основательно меняющим самую структуру общества, «опутанного» глобальной сетью Internet как сетью взаимодействия и общения, где человек, наш современник, как относительно автономный и одновременно свободный индивидуум, находящийся в границах собственного самополагания, одновременно попадая в зависимость от новых культурных смыслов, генерирующихся в недрах современной культуры. Ситуацию расширения свободы человека в эпоху «всемирной паутины» Интернета прокомментировал еще в 2008 году Чарльз Лидбитер, один из ведущих мировых авторитетов в области управления инновационной деятельностью, высказавшись так: «Мы живем во времена великого уравнивания, которое несет нам сеть. То, что из этого получится – к счастью, в наших руках [11, с. 28].

В данном ключе сегодняшние революционные сетевые технологии заставляют нас задуматься о разумном и здравомыслящем использовании их возможностей. Мы вынуждены констатировать: с сетевым обществом связана специфика современных рисков, которая проявляется «в изменении способов освоения социального пространства, образцов поведения, что усугубляется транзитивным состоянием современного (в том числе и российского) общества [1, с. 165]. В этой связи неслучайно исследователи всерьез говорят о складывании радикально новой структуры мира, человека, стиля мышления, моделей поведения, шире – образа жизни (из отечественных авторов в этом ключе работают Е.И. Князева, И.Е. Моска-

лев, А.В. Назарчук, А.И. Пигалев, Е.А. Шенцева и др.), будучи схожи в том, что сеть это фундаментальный феномен бытия и образа жизни; это специфический, симптоматичный для современно общества знания фон коммуникативно-личностного действия и общения человека, вращающегося в орбите современного мира, в системе взаимоотношений «Сеть – Я», когда «изолированное Я оказывается потерянным для себя» [2].

В этом плане особо показательны идеи испанского исследователя, теоретика сетевого общества, М. Кастельса, комментарии которого представляются нам вполне убедительными. В сетевом обществе, говорит он, «не только сфера публичной политики во все возрастающей степени попадает в зависимость от процессов коммуникации, но и само коммуникационное пространство становится областью конкурентных отношений. Это является признаком наступления новой исторической эпохи, когда рождаются новые социальные формы, и, как и раньше, обновление общества происходит в борьбе, конфликтах, зачастую – в насилии. Тем не менее, еще не все качественно новые черты обновляющегося общества проявились в полной мере» [4, с. 23].

Создавая свою концепцию «сетевого общества» М. Кастельс видел её частью целостной теории информационного общества, позволяющей оценить фундаментальные последствия революции в информационных технологиях [10]. Что касается самого понятия «информационное», то оно выступает атрибутом «специфической формы социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям, возникающих в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти [5, с. 423]. Прогнозируя будущее человечества, М. Кастельс говорит о том, что оно «стоит на пороге исторического сдвига в области публичной политики – сдвига от институциональной сферы к новому коммуникационному пространству. Формирующаяся на основе сетей горизонтальной коммуникации новая сфера публичной политики не предопределена в своих формах некой исторической судьбой или технологической необходимостью. Она является результатом современного этапа многовековой борьбы за освобождение нашего сознания [4, с. 231-232]. Напомним, М. Кастельс проводил исследования в США, Японии, Тайване, Южной Корее, Гонконге, Китае, Западной Европе (Англии, Франции), России (особенно в Академгородках Сибири и Подмосковья). Сегодня с его именем связана целостная теория, позволяющая дать оценку фундаментальных последствий воздействия революции в информационных технологиях, охватывающей все области человеческой деятельности, на современный мир. К тому же трехтомный труд профессора М. Кастельса может послужить путеводной нитью в выборе позиции относительно возможных траекторий развития России в ближайшие десятилетия [см.: 6]. Его трилогия, получившая широкий резонанс во всем мире, посвящена всестороннему анализу фундаментальных цивилизационных процессов, вызванных к жизни принципиально новой ролью в современном мире информационных технологий. Выводы автора основываются не только на анализе данных национальных и международных статистических учетов, вторичном анализе экономических и социологических исследований других ученых, но и на его собственных крупномасштабных изысканиях.

Интересно, что ряд отечественных философов в ракурсе генеалогии сетевой парадигмы сравнивают сеть с мифологическим образом многоликого Протея. В частности, В.П. Римский пишет, что «сама направленность нашего сознания высвечивает реальную феноменологию сети и возможную идеальную представленность сети в нашем мышлении, в том числе и своей предметностью для философского созерцания и понимания. Задача последних: попытаться уловить сеть. Не совсем так, как мы опутываем сетями своего обаяния людей, ловим в сети рыбу или сети сотовой связи в свои телефоны... Феноменология сети предполагает сопряжение с методологией уловления этого не просто двуликого Януса, но многоликого Протея» [15, с. 269]. То есть, обращение к понятию «сети», «сетевого общества», «сетевых коммуникаций» и прочих схожих конструктов современной культуры, в ее многочисленных интерпретациях и концептуализациях, показывает, что, с одной

стороны оно стоит в ряду новомодных научных и философских парадигм, нанявшей свою определенную нишу в сознании мыслящего субъекта. Притом, что существо ее не лежит на поверхности, а по праву апеллирует к дополнительным глубоким исследовательским артикуляциям.

Одновременно, мы все же не можем стопроцентно утверждать абсолютную инновационность данного концепта, диапазон ассоциативных смыслов и коннотаций которого удивляет нас разнообразием и повсеместностью употребления (от самых простых и ясных значений до глубоких рефлексивно-теоретических ассоциаций, нередко вызывая собственные философские интуиции). В самом деле, практически на каждом шагу мы встречаем терминологию, напоминающую нам о «сетях» – смотрим ли мы, скажем, из окна рабочего кабинета, визуализируя связи и взаимозависимости и детерминации в окружающей природе, или завлечены перипетиями философствования, оттачивая мастерство интеллектуальной работы ума. Наряду с этим мы не в силах избежать также и «сетей повседневности».

С существе своем, везде и повсюду, в обществе и природе, в человеческом сознании, которое, по выражению М. Мамардашвили, «мыслит парадоксально», мы наблюдаем метаморфозы, превращение одного в «другое» – так в том или ином развороте открывается человеческому взору и чувству Вселенная с её естественными структурами и системами видов. И не важно, сеть ли это дорог и проспектов, микрорайонов, или невидимые сети зоологической жизни, или же это идеальные сети нашего сознания, осваивающего бескрайние информационно-знаниевые просторы в интернет-поисковых сетях – везде мы участники и «зрители» обоюдного процесса – «живой жизни» биоэкологических, социальных и природных сетей.

К тому же в явном или неявном виде дискурс «сети» и культурных сетевых парадигм, будучи представленным на протяжении многотрудной эволюции человечества. Хорошо и образно об этом рассуждает В.П. Римский, говоря, что «сетевой дискурс» обнаруживает себя «через поразительную наполненность метафоричностью древних мифов и суггестивным двойничеством «модернизирующих философий», разрывающихся между «субъектом» и «объектом», «природой» и «человеком», «природой» и «обществом» [15, с. 270]. Иными словами, на сегодняшний день мы признаем сетевой дискурс, концепт «сети» в качестве симптоматично важного для объяснения существа современного человека и социокультурных измерений, который хотя и не дает исчерпывающего объяснения, но подчеркивает обстоятельство «глобальной связности» объективного мира. При этом нужно иметь в виду, что в сетевом обществе «неизбежной задачей человека ... оказывается осознанный выбор системы отсчета для конструирования своей системы ценностей» [12, с. 140]. (Впрочем, как и для всякого общества, где живут и действуют люди, осваивающие рационально рефлексивную культуру).

Для нас, как и для ряда авторов, к наработкам которых мы прибегаем, вполне очевидно: применительно к социальной структуре общества в менталитетах техногенной культуры феномен «сети» идентифицируется «и как способ бытия человека, и как способ самопорождения человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях, а само понятие «сеть» обретает методологическое звучание вне связи с информационно-технологическими процессами» [19, с. 45]. Оно, обладая существенным эвристическим потенциалом в части метаисследования объективного мира и человека, позволяет поглотить и углубить объяснения, интерпретацию новых феноменов, расширяя инструментарий современной науки, а сетевая логика обнаруживает свою необходимость при «структурировании неструктурируемого» [2]. Теория М. Кастельса позволяет дать качественную оценку фундаментальных следствий воздействия информации на современный мир, а сама информационная эпоха порождает глобальное сетевое общество – традиция, восходящая к классикам марксизма, отдающая приоритеты социальным процессам [18, с. 5].

Таким образом, «данное понятие может интерпретироваться как минимум двумя способами: в первом случае речь может идти о ячеистой («клонированной»), согласно уточнению А.В. Назарчука), повторяющейся структуре, разумеется, с достаточно большой

степенью относительности, когда речь идет о человеке. Во втором – сеть выступает обозначением некой новой логики осмысления предельно сложных явлений и процессов, происходящих в современном мире» [18, с. 47]. Нужно подчеркнуть, что сила эпистемологического потенциала «сети» состоит также и в том, что создается возможность анализа реальности и ее фрагментов (объектов изучения) не только через сеть сегодняшних, реальных, но через сеть потенциально возможных, то есть еще не случившихся взаимодействий. Такая перспектива представляется нам важной, хотя бы потому, что открываются возможности и перспективы изучения взаимодействия, сравнения и целостной аналитики «казалось бы, неожиданных и отдаленных друг от друга явлений и процессов, что, в свою очередь, может расширить знание об уже известном» [19 с. 47]. Разве такие возможности не могут не вдохновлять мировое сообщество? Думаем, вполне могут.

Здесь мы считаем уместным сказать о так называемых «сетевых эффектах информационно-знанийевых потоков, участвующих самым прямым и активным образом в формировании новых устойчивых связей – «новых элементах инфраструктуры рынка» [9, с. 73]. Сошлемся на мнение О.М. Климова, в принципе соглашаясь с ним в том, что сетевые эффекты позволяют, во-первых, использовать знание в качестве платформы для последующих исследований и разработок; отказаться от неперспективных и тупиковых направлений и имитировать полученное знание в продукции (или в услугах) собственного производства [9, с. 73]; при том, конечно же, что «создание стратегии знания – тяжелая работа» [16, с. 55].

Анализируя вклад М. Кастельса, исследователи пишут, что «Кастельс рассматривает формирующуюся сегодня в глобальном масштабе социальную структуру как сетевое общество, важнейшей чертой которого выступает даже не доминирование информации или знания, а изменение направления их использования, в результате чего главную роль в жизни людей обретают глобальные, сетевые структуры, вытесняющие прежние формы личной и вещной зависимости» [10]. В этой связи сам учёный подчеркивает, что он номинирует социальную структуру информационного века «сетевым обществом» потому, что «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные прединдустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [3, с. 505]. Толкуя «сетевое общество» как новую реальность рубежа веков, как динамичную открытую систему, допускающую новации без утраты баланса, и говоря, что это крайне общая характеристика возникающей социальной структуры (в свое время таковым было индустриальное общество) [3, с. 588]. Он дает и поясняющую аргументацию данному определению: «Сети являются орудиями, подходящими для капиталистической экономики, основанной на обновлении, глобализации и децентрализованной концентрации; для труда рабочих и фирм, базирующихся на мобильности и адаптивности; для культуры с бесконечной деконструкцией и реконструкцией; для политики, направленной, к моментальной обработке ценностей и общественных настроений, и для социальной организации, нацеленной на подавление пространства и уничтожение времени» [8, с. 37]. Функционируя на основе бинарной логики и не имея центра как такового, «сеть» предстает совокупным множеством взаимосвязанных функционально полезных узлов, способных к накоплению, эффективной переработке и оптимальному распределению и использованию массивных информационных потоков. При этом конкретное содержание каждого из узлов, включенных в сеть, детерминировано сущностными характеристиками, качественными параметрами той или иной конкретно-адресной сетевой структуры (политической, экономической, управленческой, культурной, социальной и пр.) [13, с. 14]. И далее отмечается, что включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию домини-

рующих процессов и функций в современных обществах [6, с. 498]. Таково существо глобальной сетевой логики.

Ряд отечественных специалистов в данной сфере определяют «сеть» как «технический феномен новых коммуникационных технологий, морфология которой связана с представлением об информации как знании, порождающем конструктивные изменения системы [14, с. 61], характеристике ее возможностей, опционе вероятности дальнейших событий» [17]. То есть, понятие информации, ее способность к трансляции (то есть к коммуникации), включая помимо спонтанных информационных обменов, их целенаправленную транспортировку человеком в нужном, направлении, является необходимым атрибутом системы, важным условием управления ее (системы) жизнедеятельностью. Отсюда «сетевое общество» предстает в трактовке данного автора «нового качества социальной коммуникацией, стремительным образом трансформирующей институты и практики современного общества [14, с. 61]. Как отмечает А.В. Назарчук, «компьютерные технологии придают новые очертания понятию сети: сеть – это не только способ транспортировки информации, но и возможность ее обработки. Интегральные сети коммуникационных взаимодействий ЭВМ создали особенную форму распределенной коммуникации, которую оказалось возможным спроецировать на социальную коммуникацию [14, с. 62]. Несмотря на то, кто как таковая «сеть» не является кардинально новой формой социальной организации, в информационную эпоху она приобретает новое свое качество. А именно – становятся информационной сетью, усиленной информационными технологиями. С этих позиций сети, говорит Е.И. Князева, «имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Кроме того, они наиболее подвижные и адаптивные формы организации, способные развиваться вместе со своим окружением и эволюцией узлов, которые составляют сети» [10].

Уточняя сущностные характеристики и специфику современных сетей по части коммуникации, исследователи соглашаются в том, что коммуникативный поток сегодня «методически выстраивается по моделям, задаваемым технологиями системной интеграции процессов обработки и передачи информации. В свою очередь, эти технологии адаптируют стандарты интерактивного взаимодействия человека с машиной к разнообразным сферам гуманитарного применения» [14, с. 63]. В самом деле, нелепо оспаривать ставшее очевидным обстоятельство, согласно которому коммуникация мыследеятельности, поведения и общения человека третьего тысячелетия, вовлеченного в проективную деятельность, подчиненную строгому «проектному алгоритму» и который сам выступает объектом социокультурного проектирования, «все более плотно охватывается сетью технических стандартов. Их особенность в том, что они вольно или невольно, опосредуют все социальные взаимодействия и заключают их в специфический технологический каркас, который можно именовать «сетевой моделью» [14, с. 63].

Строго говоря, проникая различными путями и с разной интенсивностью в культуру, укрепляя сферы своего влияния, сетевое общество выступает объективно расширяющейся системой в границах ее возможных состояний, Его интегральное понимание включает в себя помимо инновационно-технологических значений более широкие социальные, этические и политические параметры. В связи с этим сетевой подход все активнее правомерно рассматривается рефлексивно мыслящими учеными в контексте философского дискурса, центрирующего внимание на мировоззренческих и эпистемологических перспективах [19, с. 42].

Мы со своей стороны склонны проводя аналогию между «обществом знаний» и «сетевым обществом», признать его, во-первых, важной и закономерной культурно-цивилизационной стадией генезиса человечества и форм духовного производства; во-вторых, подчеркнуть его специфику как общества, в котором «по мере роста инновационного сегмента размываются границы и «демаркационные линии» между наукой технологиями, обществом и культурой, пронизанных рациональным знанием [18, с. 9]. Таким образом, по своей сути, сетевое общество – это масштабный, можно сказать, *глобальный*

«сетевой проект» производства знания, задающего вектор планетарного развития, с необходимостью опирающийся на новую этику свободы и ответственности, основанную на совместном использовании знаний.

Список литературы References

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://ww.gumcrl.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М., 2000. – 608 с.
4. Кастельс М. Коммуникация, власть и контр-власть в сетевом обществе / Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2010. – 234 с.
5. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под редакцией В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. Изд-во ЮНЕСКО. Париж, 2005. 240 с.
8. Киселева Э. Россия и сетевое общество // Россия в конце XX века: Тез. докл. Междунар. конф. М., 1998. С. 36-48.
9. Климов О.М. Интеллектуальные ресурсы общества. – СПб: ИВЭСЭП, Знание, 2002.
10. Князева Е.И. Концепция сетевого общества М. Кастельса // Сборник работ 61-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17 -20 мая 2004 г., г. Минск : в 3 ч. / [редкол.: А. Г. Захаров (ответственный редактор) и др.]. – Минск, 2004. – Ч. 3. – С. 188-191.
11. Лидбитер Ч. Мы – думаем: массовые инновации, не массовое производство / Ч. Лидбитер; пер. с англ. А.В. Захаров. – М.: Акварминовая книга, 2009.
12. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М., 1996.
13. Materials for an Exploratory Theory of Network Society // The British Journal of Sociology. – 2000. № 51. – P. 5–14.
14. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61-75.
15. Римский В.П. Генеалогия сетевой парадигмы. Часть I. Аналогия и феноменология // Наука. Культура. Искусство / Научный журнал БГИИК. – № 2 (6). – Белгород, 2015. – С. 267-282.
16. Румизен М.К. Управление знаниями: пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель»; 2004.
17. Shanon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, 1949; Wiener N. Cybernetics. – N.Y., 1949.
18. Шамардин Н.Н. «Общество знаний»: философско-методологический и науковедческий анализ. Дисс... к. филос. н. / 09.00.08 – Философия науки и техники. – Белгород, 2016.
19. Шенцева Е.А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // Вопросы философии. – № 8. – 2012. – С. 42-49.